

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ (ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья

УДК 811.111

Елена Николаевна Шеховцева

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

elen-gorbachyova@yandex.ru

ПОСТУЛАТЫ ПЕРФОРМАТИВНОЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению постулатов перформативной прагмалингвистики – направления, изучающего тексты/высказывания с позиций дискурсивной перформативности. Описываются четыре подхода к пониманию перформативности, послужившие основой для разработки теории перформативной прагмалингвистики, выявляются их недостатки по сравнению с данным направлением. Раскрывается суть каждого из предложенных постулатов перформативной прагмалингвистики, в которых отражены базовые характеристики речевого поступка, отличающие его от других компонентов речевой деятельности – речевой операции и собственно действия.

Ключевые слова: дискурсивная перформативность, перформативная прагмалингвистика, речевой поступок, перформативная стратегия, речевой жанр

Для цитирования: Шеховцева Е. Н. Постулаты перформативной прагмалингвистики // Евразийский филологический вестник. 2024. Вып. 3 (7). С. 61–78.

GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS (PHILOLOGICAL SCIENCES)

Original article

Elena N. Shekhovtseva

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

elen-gorbachyova@yandex.ru

POSTULATES OF PERFORMATIVE PRAGMALINGUISTICS

Abstract. The article is devoted to the consideration of the postulates of performative pragmalinguistics – a direction that studies texts/utterances from the standpoint of discursive performativity. Four approaches to understanding performativity are described, which served as the basis for developing the theory of performative pragmalinguistics, and their shortcomings are identified in comparison with this direction. The essence of each of the proposed postulates of performative pragmalinguistics is revealed, which reflect the basic characteristics of a speech deed that distinguish it from other components of speech activity – a speech operation and a speech act.

Keywords: discursive performativity, performative pragmalinguistics, speech deed, performative strategy, speech genre

For citation: Shekhovtseva E. N. Postulates of performative pragmalinguistics // Eurasian Philological Bulletin. 2024; (7): 61–78. (In Russ.).

Введение

Категория перформативности является одним из сложных лингвистических феноменов. Разнонаправленность подходов к осмыслению данной категории в лингвистике и накопленный опыт прагмалингвистических

исследований, посвящённых изучению перформативных глаголов/высказываний/речевых жанров/стратегий/видов дискурса [2; 11; 12; 14; 19; 26; 27; 28; 30], позволяет выделить в отдельное направление такую область прагмалингвистики, как перформативная прагмалингвистика.

Перформативная прагмалингвистика изучает тексты/высказывания с позиций дискурсивной перформативности, которую мы понимаем в широком смысле как коммуникативную фактуализацию явлений действительности (т. е. конституирование фактов посредством высказываний), а в узком смысле – как осуществление коммуникативного речевого поступка посредством четырёх перформативных стратегий: устанавливающей, подтверждающей, трансформирующей и оспаривающей [9, с. 62–63]. Устанавливающая стратегия направлена на статусное самоопределение и/или статусное/коммуникативное ролевое распределение (распределение социальных и коммуникативных ролей). Подтверждающая стратегия заключается в подтверждении посредством коммуникативных речевых поступков определённого коммуникативного/социального статуса адресанта. Трансформирующая стратегия направлена на демонстрирование субъектом изменения в отношениях с адресатом (улучшения либо ухудшения). Оспаривающая стратегия состоит в дискредитации/реабилитации определённого аспекта субъектного или адресатного статуса [7].

Целью настоящей статьи является рассмотрение постулатов перформативной прагмалингвистики, которые мы сформулировали, исходя из конститутивных признаков дискурсивной перформативности:

- а) ситуация лично обусловленного волевого принятия решений;
- б) осуществление свободного выбора;
- в) ответственность за совершённое действие;
- г) преобразующий характер деятельности;
- д) ценностная детерминация действия;

е) превращение явления действительности в факт языкового сознания и культуры (фактогенность);

ж) система способов коммуникативного осуществления поступка (стратегичность) [8, с. 5].

Исследовательские результаты и их интерпретация

Основой для разработки теории перформативной прагмалингвистики послужили четыре подхода к пониманию перформативности, направленные на изучение отдельных аспектов данной категории. Перформативная прагмалингвистика обобщает и расширяет имеющиеся толкования понятия «перформативность». Так, в рамках первого подхода перформативность изучается преимущественно как семантико-грамматическая категория либо как семантико-прагматическая категория и охватывает, в основном, перформативные глаголы/перформативные речевые акты [2; 12; 19; 28; 30]. Также рассматриваются структурно-синтаксические, функционально-семантические, коммуникативно-прагматические характеристики перформативных высказываний [4; 14; 16; 17; 20]. Перформативная прагмалингвистика изучает перформативность как дискурсивную категорию, а её комплексное исследование возможно благодаря так называемому конструкту перформативности – деятельностной триаде «речевая операция – речевое действие – речевой поступок», отражающей три уровня манифестации перформативности в дискурсе: 1) речевые операции проявляются как эмотивные и этикетные речевые действия, а также клишированные перформативы; 2) речевые действия соответствуют перформативным речевым актам, включая имплицитно выраженные и транспонированные перформативы; 3) коммуникативный речевой поступок объективируется как дискурс в ситуации лично-обусловленного волевого принятия решений и осуществления свободного ответственного выбора, актуализирующий смысл реального общения посредством одного или нескольких ценностно-нагруженных коммуникативных действий [8, с. 6].

В рамках второго подхода изучаются перформативы-ритуалы, являющиеся способом социокультурной идентификации говорящего [25]. Перформативная прагмалингвистика расширяет представление о средствах социальной и культурной идентификации говорящего, включая в них не только ритуалы, но и другие речевые действия. Так, реализуя тактику доминирующего субъектного позиционирования в рамках подтверждающей перформативной стратегии, директивные высказывания – приказ, совет, разрешение, запрет, требование – позволяют субъекту идентифицировать себя как человека, занимающего более высокое по отношению к адресату социальное положение, либо играющего доминирующую коммуникативную роль (пример социальной идентификации). С другой стороны, реализация тактики доминирующего субъектного позиционирования возможна благодаря норме подчинения в иерархическом взаимодействии и ценности авторитета, что, например, в русской лингвокультуре отражено в прецедентных высказываниях «Приказы начальства не обсуждаются, а выполняются» и «Старших надо слушать». В этой связи можно утверждать, что субъект директивного высказывания идентифицирует себя как человека, принадлежащего к данной лингвокультуре (пример культурной идентификации).

Третий подход акцентирует внимание на перформативности как способе саморепрезентации говорящего [6; 24]. При таком подходе, как нам представляется, не учитывается то, что перформативность может быть ещё и способом репрезентации адресата. Примером может служить тактика адресатной идентификации, реализуемая в рамках устанавливающей перформативной стратегии, которая, с одной стороны, позволяет субъекту высказывания осуществлять полномочные функции и/или реализовывать свой авторитет, а с другой стороны – определяет статус адресата посредством таких жанров, как назначение на должность, присуждение учёной степени, объявление победителей конкурса, вынесение судебного приговора, предъявление обвинения.

В рамках четвёртого подхода перформативность рассматривается как преимущественно декларативное формирование идентичностей – социальной, гендерной, языковой [29, с. 519]. Здесь важное место отводится повторяемости и воздействующей силе перформативных действий, что сближает их с перформансом [15, с. 329]. При таком подходе, на наш взгляд, в фокус исследования попадают преимущественно речевые действия, соответствующие уровню операций и собственно действий, а такой важный компонент деятельности, как поступок, выпадает из данного фокуса, поскольку поступку не свойственна повторяемость. Между тем, речевые поступки также могут быть показателем идентичности (отсюда выражения типа «мужской поступок», «взрослый поступок»).

Постулаты перформативной прагмалингвистики соотносятся с вышеуказанными конститутивными признаками дискурсивной перформативности. Раскроем суть каждого.

1. Дискурсивная перформативность – это коммуникативно-прагмасемантическая категория, которая объединяет способы языкового осуществления поступка в ситуации личностно обусловленного волевого принятия решений.

Речевой поступок является актом социального поведения, в отличие от речевой операции и собственно речевого действия. Поступок в отечественной психологии рассматривается как показатель личности и средство её формирования. Это объясняется тем, что целями деятельности человека в определённый момент его жизни становятся ценности, объективированные в процессе общественной жизни [18, с. 591–592]. Примерами речевых поступков, свидетельствующих о личностном преображении или росте, служат раскаяние, просьба о прощении и само прощение, признание в любви. Такие речевые поступки, как донос, шантаж, оскорбление, ругательство, необоснованное обвинение характеризуют личность человека с негативной стороны.

Поступок мотивируется установкой – целостной направленностью сознания субъекта на определённую активность [23, с. 26]. Одни и те же установки могут обуславливать противоположные поступки (например, признание в любви женщине и клевета на соперника, обусловленные желанием мужчины завоевать возлюбленную), и, наоборот, разные установки мотивируют похожие поступки (например, отрицательные речевые поступки «сплетни» и «обвинение», мотивированные стремлением дискредитировать одного коммуниканта и реабилитировать другого). Некоторые поступки могут быть не свойственны человеку, так как совершаются им под давлением обстоятельств (ложь во спасение). Такие поступки не являются адекватным выражением его личности [18, с. 31].

В разряд речевых поступков могут переходить речевые операции и собственно действия, когда для их совершения требуется усилие воли (например, этикетная фраза-приветствие, произнесённая соперниками после долгого отсутствия коммуникации, становится поступком, ознаменовывающим возобновление общения). Наоборот, некоторые поступки становятся речевыми операциями или собственно действиями при условии их регулярной повторяемости либо смены иллокуции (каждодневная молитва, комплимент или признание в любви, выполняющие фатическую функцию, а также ругательство или проклятие, выполняющие эмотивную функцию).

2. Субъект перформативности осуществляет свободный выбор, показателем которого является искренность при совершении коммуникативного речевого поступка.

Свободный выбор действий является не только индикатором поступка согласно детерминистской философии, в фокусе рассмотрения которой находятся различные проявления свободы [1, с. 519–520], но и показателем личностной зрелости человека. Только искренние речевые действия считаются поступками, в противном случае – по принуждению или неискренне – совершаются квази-поступки либо проступки: например, искренние

комплименты и похвала оцениваются положительно, а лесть – отрицательно; искреннее раскаяние поощряется церковью, будучи условием прощения со стороны Бога, в то время как неискреннее раскаяние не принимается церковью и порицается обществом.

3. Субъект перформативности несёт ответственность за совершённый речевой поступок.

Ответственность наделяет речевой поступок смысловой значимостью и придаёт ему статус ценностно-нагруженного действия, поскольку ему, как и любому другому поступку, свойственны характеристики, выделенные М. М. Бахтиным: конкретная историчность и индивидуальность, соотнесение в последнем контексте смысла и факта, общего и индивидуального, реального и идеального [3]. Ответственность за речевой поступок возводит его в ранг речевого события, которое можно описать по следующим параметрам:

- **Статичность/динамичность:** статичными являются формализованные речевые жанры институциональных видов дискурса (научная диссертация, монография, медицинская рекомендация, деловая переписка), динамичными, т. е. предполагающими определённое развитие и наличие кульминации в структуре, – неформализованные жанры разных дискурсивных практик (проповедь, защитительная и обвинительная речи в судебном процессе, спор, ссора, флирт).

- **Градуированность/неградуированность** (разная степень выраженности определённого признака речевого поступка): поступки могут обладать разной степенью искренности («не очень искренняя похвала», «неприкрытая лесть», «фальшивое извинение»), актуальности («свежий приказ», «своевременный призыв», «релевантная рекомендация», «важное заявление»), эмоциональной насыщенности («душещипательное письмо», «гневная критика»).

- **Гомогенность/гетерогенность** (однородность/неоднородность структуры речевого жанра, реализующего речевой поступок): например, однородная структура присуща инструкциям, состоящим из директивно-инструктивных

речевых актов, неоднородная – ссоре, в которую могут входить оскорбление, ультиматум или шантаж, проклятие, угроза.

- Кульминативность/некульминативность (в контексте макрособытия с другими речевыми действиями): например, ультиматум как кульминация в споре, угроза в разгаре ссоры, вердикт судьи как финал судебного процесса.

- Результативность/нерезультативность: любой речевой поступок должен обладать результативностью, что отражено в нижеследующем постулате перформативности.

4. Дискурсивная перформативность имеет преобразующий характер: результатом коммуникативного речевого поступка является формирование объективной и/или субъективной социальной реальности.

Понятие социальной реальности является лингвистически релевантным термином, взятым нами из социальных концепций действий Э. Дюркгейма [10] и М. Вебера [5]. Социальная реальность имеет сложный характер, будучи, с одной стороны, средой формирования социального субъекта, а с другой – результатом его деятельности [21]. И. Маринич отмечает наличие двух измерений социальной реальности – объективного (совокупность человеческих действий, норм) и субъективного (приписываемые этим действиям, нормам и т. п. смыслы и значения) [13].

Примерами формирования новой объективной социальной реальности являются речевые поступки, реализуемые, как правило, в жанрах институциональных видов дискурса (обвинительный приговор, брачный договор, деловой контракт, приказ, дипломатическая нота, инаугурационная речь президента). Формирование новой субъективной социальной реальности происходит как результат осуществления речевых поступков в виде речевых жанров, служащих индикаторами переоценки ценностей субъектом (раскаяние, прощение, просьба о прощении) или показателями перформативного коммуникативного статуса коммуникантов (например, ультиматум показывает перформативное изменение статуса субъекта в сторону конфронтации).

5. Дискурсивная перформативность характеризуется ценностной детерминированностью: совершение коммуникативного речевого поступка обуславливается социальными нормами, в которых реализуются ценности и которые также учитываются при оценке поступка.

Речевой поступок – это осмысленное действие, а осмысленность предполагает его ценностную нагруженность, обусловленность поведения нормами социума. Ценностная детерминированность поступков прослеживается в разных типах высказываний/текстов. Например, комиссивные высказывания (обещание, гарантия, клятва, пари, договор) обусловлены нормой выполнения обязательств; декларативные высказывания (декларация прав, декларация независимости) определяются ценностью прав и свобод человека; продуцирование директивных высказываний возможно благодаря ценности авторитета и норме подчинения в иерархическом взаимодействии; апеллятивные тексты (запрос, просьба, судебный иск, жалоба, претензия, молитва) основаны на норме ответственности, которая возлагается на их адресата; оценочные высказывания могут быть обусловлены ценностями взаимоуважения, взаимопомощи, нормой бесконфликтного общения (дискуссия, похвала, комплимент, одобрение), либо антиценностями/антинормами конфликтного взаимодействия (ссора, полемика, оскорбление, упрек, неодобрение).

6. Дискурсивная перформативность характеризуется фактогенностью, превращая явления действительности в факт языкового сознания и культуры посредством речевых действий и поступков.

Фактогенность, или конституирование фактов, является прагматической основой перформативности. Опираясь на суждение В. И. Карасика о двух ипостасях факта – как оценочно-квалификативного действия и как культурного феномена [11, с. 377], мы выделяем два вида дискурсивной перформативности – фактуальную и фактуально-событийную. Первая заключается в превращении явлений действительности в факты языкового сознания, вторая преобразует их

в факты культуры. Фактуальная перформативность может переходить в фактуально-событийную благодаря ритуализации дискурса. В этом случае наблюдается усиление фактогенной функции дискурса. Наиболее фактогенными представляются религиозный и военный виды дискурса, поскольку им свойственна высокая степень ритуализованности. Обратный процесс – снижение фактогенной функции дискурса – происходит из-за его этикетизации и карнавализации («переворачивания» дискурсивных ценностей и иллокуций). С этой точки зрения, наименее фактогенными являются этикетный и юмористический дискурсы.

7. *Дискурсивная перформативность характеризуется стратегичностью, представляя собой систему способов коммуникативного осуществления поступка.*

Речевые поступки осуществляются с помощью вышеуказанных перформативных стратегий (устанавливающей, подтверждающей, оспаривающей и трансформирующей), которые соответствуют четырём способам переформатирования ценностного статуса субъекта, объекта и адресата коммуникации: установлению, уточнению, оспариванию и трансформации [22, с. 37].

Анализируя перформативные стратегии и тактики того или иного дискурса, необходимо учитывать вектор коммуникации. Под «вектором» мы понимаем направленность коммуникативного высказывания от его субъекта к объекту и адресату. Введение данного термина представляется важным для перформативной теории, поскольку он отражает многоаспектность и сложность коммуникации, позволяя, например, разграничить тактики субъектной и адресатной идентификации или различные тактики в иерархическом взаимодействии (например, тактики доминирующего/недоминирующего субъектного позиционирования). Примером того, как векторность коммуникации отражается на качестве действия, может служить тактика дружественного позиционирования в персональном дискурсе. Так, если

похвала, комплимент, шутка и другие жанры, реализующие данную тактику, в прямом коммуникативном векторе (например, между друзьями) являются собственно действиями, то в нисходящем и восходящем векторах (например, между начальником и подчинённым в бытовом общении) они могут быть квалифицированы как поступки, поскольку иерархия в отношениях (возрастная, статусная) создаёт основу для ситуации выбора.

Заключение

Итак, перформативная прагмалингвистика предполагает изучение текстов/высказываний с позиций дискурсивной перформативности – коммуникативно-прагмасемантической категории, объединяющей способы языкового осуществления поступка. Основные характеристики речевого поступка, отличающие его от других компонентов речевой деятельности (речевой операции и собственно действия), отражены в постулатах перформативной прагмалингвистики: речевой поступок осуществляется в ситуации лично обусловленного волевого принятия решений; речевой поступок должен отвечать условию искренности, которая свидетельствует о свободе выбора действий субъектом; речевой поступок возводится в ранг речевого события из-за ответственности, которую несёт субъект, и поэтому наделяется такими событийными признаками, как статичность/динамичность, градуированность/неградуированность, гомогенность/гетерогенность, кульминативность/некульминативность, результативность/нерезультативность; речевой поступок ведёт к формированию новой социальной реальности; будучи актом социального поведения, речевой поступок обуславливается социальными нормами; посредством речевых действий и поступков факты внеязыковой действительности превращаются в факты языкового сознания и культуры; речевые поступки осуществляются в разных векторах коммуникации с помощью перформативных стратегий (устанавливающей, подтверждающей, оспаривающей и трансформирующей).

Список литературы:

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. М.: ПБОЮЛ М. А. Захаров, 2001. 608 с.
2. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3. С. 208–223.
3. Бахтин М. М. К философии поступка. URL: <http://library.lgaki.info> (дата обращения: 29.08.2024).
4. Богданова Т. В. Прагматические компоненты перформативных высказываний в комедиях В. Шекспира: дис. канд. филол. наук. Санкт-Петербург: 2008. 168 с.
5. Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 810 с.
6. Грязнова Ю. Б. Перформативные тексты в методологии науки: автореф. дис. канд. философ. наук. М., 1998. 16 с.
7. Горбачева Е. Н. Перформативные стратегии и сценарии // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 7. С. 279–289.
8. Горбачева Е. Н. Дискурсивная перформативность: признаки, типы, жанры: автореф. дис. д-ра филол. наук. Тамбов: 2016. 40 с.
9. Горбачева Е. Н. Категория императивности в разных видах дискурса с позиций перформативной прагмалингвистики // Язык в межкультурном пространстве XXI века: взгляды и научные исследования, перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2021. С. 62 –70.
10. Дюркгейм Э. Формы мышления и поведения человека как социальные факты // Хрестоматия по курсу ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ / ред.-сост. Е. Е. Соколова. М.: Российское психологическое общество, 1999. С. 237–241.
11. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.

12. Красина Е. А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний: дис. докт. филол. наук. Москва, 1999. 310 с.

13. Маринич И. Социальная реальность в социологической традиции и современных теориях: достижения и проблемы // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 1. С. 74–89.

14. Романов А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц: сб. научн. трудов. Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1984. С. 86-92.

15. Романов А. А., Романова Л. А. Композитная перформативность в интерактивном пространстве диалога // *Studia Linguistica*. 2011. Вып. 5. С. 327–338.

16. Романова Е. Г. Функционально-семантические свойства перформативных единиц в ритуальной коммуникации: дис. канд. филол. наук. Тверь: 1997. 174 с.

17. Россолова О. А. Перформатив как координатор коммуникативного взаимодействия и средство адресованности: автореф. дис. канд. филол. наук. Петропавловск-Камчатский: 2008. 22 с.

18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб: «Питер», 2007. 713 с.

19. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов: пер. с англ. В. З. Демьянкова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

20. Стасюк А. В. Модализированные перформативные конструкции в немецком языке: дис. канд. филол. наук. Тверь: 2005. 176 с.

21. Терентьев И. А. Проблема социальной реальности в истории социально-философской мысли // Теория и практика общественного развития. 2007. № 1. С. 37–40.

22. Тюпа В. И. Дискурс // Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.

23. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. («Психология-классика»). 416 с.
24. Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. № 2. 1989. С. 35–40.
25. Четыркина И. В. Перформативность речевых практик как конститутивный признак культуры: этническая и историческая перспектива: автореф. дис. д-ра филол. наук. Краснодар: 2006. 32 с.
26. Шеховцева Е. Н., Поршнева Н. В. Ультиматум как перформативный речевой жанр // Современное педагогическое образование. 2023. №11. С. 501–505.
27. Шеховцева Е. Н., Шатохина Г. Н. Соотношение категорий «императивность» и «перформативность» (на примере англо- и русскоязычного новозаветного дискурса) // Евразийский филологический вестник. 2023. Вып. 3 (3). С. 81–97.
28. Austin J. L. How to Do Things with Words. London: Oxford University Press, 1962. 167 p.
29. Butler J. Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // Theatre Journal. 1998. Vol. 40, No. 4. P. 519–531.
30. Searle J. R. How Performatives Work // Linguistics and Philosophy. 1989. № 12 (5). P. 535–558.

References:

1. Alekseyev P. V., Panin A. V. Filosofiya: uchebnik. M., 2001. 608 s.
2. Apresyan YU. D. Performativy v grammatike i v slovare // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1986. T. 45, № 3. S. 208–223.
3. Bakhtin M. M. K filosofii postupka. URL: <http://library.lgaki.info> (data obrashcheniya: 29.08.2024).

4. Bogdanova T. V. Pragmatische komponenty performativnykh vyskazyvaniy v komediyakh V. Shekspira: dis. kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg: 2008. 168 s.

5. Veber M. Osnovnyye sotsiologicheskiye ponyatiya. Izbrannyye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. 810 s.

6. Gryaznova Yu. B. Performativnyye teksty v metodologii nauki: avtoref. dis. kand. filosof. nauk. M., 1998. 16 s.

7. Gorbacheva Ye. N. Performativnyye strategii i stsenarii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 7. S. 279–289.

8. Gorbacheva Ye. N. Diskursivnaya performativnost': priznaki, tipy, zhanry: avtoref. dis. d-ra filol. nauk. Tambov: 2016. 40 s.

9. Gorbacheva Ye. N. Kategoriya imperativnosti v raznykh vidakh diskursa s pozitsiy performativnoy pragmalingvistiki // Yazyk v mezhkul'turnom prostranstve XXI veka: vzglyady i nauchnyye issledovaniya, perspektivy razvitiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Astraxan`: Izdatel'skiy dom «Astraxanskij universitet», 2021. S. 62–70.

10. Durkheim E. Formy myshleniya i povedeniya cheloveka kak sotsial'nyye fakty // Khrestomatiya po kursu VVEDENIYE V PSIKHOLOGIYU / red.-sost. Ye. Ye. Sokolova. M.: Rossiyskoye psikhologicheskoye obshchestvo, 1999. S. 237–241.

11. Karasik V. I. Yazykovyie klyuchi. Volgograd: Paradigma, 2007. 520 s.

12. Krasina E. A. Semantika i pragmatika russkih performativnykh vyskazyvaniy: dis. dokt. filol. nauk. Moskva: 1999. 310 s.

13. Marinich I. Sotsial'naya real'nost' v sotsiologicheskoy traditsii i sovremennykh teoriyakh: dostizheniya i problemy // Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing. 2001. № 1. S. 74–89.

14. Romanov A. A. Pragmatische osobennosti performativnykh vyskazyvaniy // Pragmatika i semantika sintaksicheskikh yedinit: sb. nauchn. trudov. Kalinin: Kalininsk. gos. un-t, 1984. S. 86–92.

15. Romanov A. A., Romanova L. A. Kompozitnaya performativnost' v interaktivnom prostranstve dialoga // *Studia Linguistica*. Vyp. 5. 2011. S. 327–338.

16. Romanova Ye. G. Funktsional'no-semanticheskiye svoystva performativnykh yedinit v ritual'noy kommunikatsii: dis. kand. filol. nauk. Tver': 1997. 174 s.

17. Rossolova O. A. Performativ kak koordinator kommunikativnogo vzaimodeystviya i sredstvo adresovannosti: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Petropavlovsk-Kamchatskiy: 2008. 22 s.

18. Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii. SPb: «Piter», 2007. 713 s.

19. Searle J. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov: per. s angl. V.Z. Dem'yankova // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. 17. M.: Progress, 1986. S. 170–194.

20. Stasyuk A. V. Modalizirovannyye performativnyye konstruksii v nemetskom yazyke: dis. kand. filol. nauk. Tver': 2005. 176 s.

21. Terent'yev I. A. Problema sotsial'noy real'nosti v istorii sotsial'no-filosofskoy mysli // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2007. № 1. S. 37–40.

22. Tyupa V. I. Diskurs / Zhanr. M.: Intrada, 2013. 211 s.

23. Uznadze D. N. Psikhologiya ustanovki. SPb.: Piter, 2001. («Psikhologiya-klassika»). 416 s.

24. Habermas J. Ponyatiye individual'nosti // *Voprosy filosofii*. № 2. 1989. S. 35–40.

25. Chetyrkina I.V. Performativnost' rechevykh praktik kak konstitutivnyy priznak kul'tury: etnicheskaya i istoricheskaya perspektiva: avtoref. dis. d-ra filol. nauk. Krasnodar: 2006. 32 s.

26. Shekhovtseva Ye. N., Porshneva N. V. Ul'timum kak performativnyy rechevoy zhanr // *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye*. 2023. № 11. S. 501–505.

27. Shekhovtseva Ye. N., Shatokhina G. N. Sootnosheniye kategoriy «imperativnost'» i «performativnost'» (na primere anglo- i russkoyazychnogo novozavetnogo diskursa) // Yevraziyskiy filologicheskiy vestnik. 2023. Vyp. 3 (3). S. 81–97.

28. Austin J. L. How to Do Things with Words. London: Oxford University Press, 1962. 167 p.

29. Butler J. Performative Acts and Gender Constitution: An Essay in Phenomenology and Feminist Theory // Theatre Journal. 1998. Vol. 40, No. 4. P. 519–531.

30. Searle J. R. How Performatives Work // Linguistics and Philosophy. 1989. № 12 (5). P. 535–558.

Информация об авторе:

Е. Н. Шеховцева – доктор филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the author:

E. N. Shekhovtseva – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024; одобрена после рецензирования 15.09.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was published 05.09.2024; approved after reviewing 15.09.2024; accepted for publication 20.09.2024.